

R $\frac{33}{155}$

ГЛАЗАМИ

ИНОСТРАНЦЕВ

1 9 1 7

15

1 9 3 2

ЧТО Я УВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

Я пробыл в России всего одиннадцать недель. За это время я успел осмотреть Москву и Ленинград, побывать в разных частях России — в таких городах, как Пермь, Новосибирск, Нижний-Новгород, Киев, Харьков, Сталинград, Ростов, Тифлис, Баку, Батум и на всем черноморском побережье от Батума до Одессы.

Все свои выводы я делал спокойно и обдуманно. Но, справедливости ради, — как по отношению к советскому правительству, так и по отношению к самому себе, — я должен сказать, что такое кратковременное пребывание совершенно недостаточно, чтобы дать компетентный анализ того грандиознейшего в мировой истории эксперимента, который проводится в настоящее время в России. Все, что я могу предложить моим читателям, — это правдивые заметки о том, что я сам видел и наблюдал.

Я не вполне согласен ни с теорией, ни с практикой советской формы правления, но должен сознаться, что она обладает поразительными качествами. И я считаю, что советский строй удержится в России на долгое время. Больше того — он распространится и бесспорно окажет значительное влияние на все другие государства. Мне думается, что и моей родине со временем предстоит «советизироваться», — быть может, еще на моем веку.

Я считаю, что русский народ в основном доволен советской системой управления и находит, что она с каждым днем все совершенствуется. Правда, я сомневаюсь, действительно ли понимает все население настоящую программу коммунистической партии и ее огромное значение для страны. Как бы то ни было, величайший индустриальный процесс, который сейчас происходит в России, несет с собой выгоды для всех и уже потому не может не произвести большого впечатления на рядового русского гражданина, не привыкшего (в царское время), чтобы правительство заботилось о его благосостоянии. Поэтому рядовой русский скорее за эту программу, чем против нее.

Я пришел к выводу, что Россия, по всей вероятности, превратится в одну из самых мощных экономических сил, какие когда-либо существовали в мировой истории.

Вот некоторые из самых важных, с моей точки зрения, положительных черт советского строя.

Первая. Руководители советского государства, как практики, так и теоретики, отлично понимают, что труд в той или иной его форме, умственный или физический — наилучшее занятие для всех людей, тогда как наихудшее — безделье как вынужденное, так и добровольное. Осознав это, руководители советского государства взяли на себя распределение работы среди населения и искоренение безделья. Это я одобряю.

Вторая. Они понимают, что количество труда, которое каждый должен производить, не должно превышать той нормы, которая необходима, чтобы все могли пользоваться преимуществами и удобствами, предоставляемыми населению государством, высоко развитым в экономическом, художественном, интеллектуальном и социальном отношениях. Остальным своим временем индивидуум может располагать, как он хочет.

Третья. На меня произвело глубочайшее впечатление— и я до сих пор нахожусь под этим впечатлением, — то, что я наконец увидел правительство, которое сознает, каковы великие творческие возможности человеческого разума. Оно полно энтузиазма перед этим разумом и ждет, когда он, сбросив с себя гнет догматов и освободившись от рабства, поведет человечество от невежества и горя к знанию и счастью. Советское правительство настолько воодушевлено этой идеей, что его работа, направленная к освобождению и воспитанию человеческого разума, проникнута пафосом.

Здесь я, кстати, должен заметить, что система воспитания детей, проводимая в России, является одной из наилучших, какую мне когда-либо приходилось наблюдать. Система эта действительно замечательная, и у меня невольно возникает мысль, не приведет ли она с течением времени к созданию нового человека и, как следствие, к созданию самого идеального государства, какое когда-либо существовало. Я, во всяком случае, надеюсь, что так будет.

В условиях Советской России невозможно никакое индивидуальное накопление богатства. На мой взгляд, это одно из наиболее ценных достижений советской власти. Правительство руководствуется тем положением, что индивидуальное обогащение одних может повести к бедности и нужде других, — а этого оно не хочет и не может допустить. Чтобы предупредить такое нежелательное явление, правительство образует своего рода сверхгосударственный или общегосударственный трест. Этому общегосударственному тресту принадлежит все, и он все контролирует. Организация его общезвестна, и я не буду останавливаться на ней. Существование же его оправдывается все возрастающим благосостоянием населения. Всем, кто не верит, что благосостояние населения растет, советую поехать в Россию, самим посмотреть и лично убедиться в этом.

Еще одна черта заслуживает всемерного одобрения. Советская власть в своем стремлении достичь того идеального положения вещей, когда для всех будет работа, пытается воспитать в каждом индивидууме сознание, что он должен взять на свою долю лишь столько общественных благ, сколько надо для удовлетворения его личных потребностей и стремлений, — но не больше, так как в противном случае это поведет к урезыванию или вынужденному сокращению удовлетворения потребностей и стремлений другого человека.

В индивидууме стремятся воспитать также сознание, что если он хочет удовлетворить свои личные потребности и стремления, то он должен затрачивать такое же количество труда — физического или умственного, как и все другие члены общества. Иначе государство, то есть организация, частицей которого является индивидуум, не сможет успешно работать и выполнять свои коллективные функции, отвечающие потребностям всех индивидуумов как членов великого социального целого.

Руководители советского государства совместно с рабочими и работницами России пришли к необходимой — с их точки зрения — программе социального устройства, и каждый, — хочет он или нет, — должен приноровиться к этой новой программе. Ее можно формулировать в одной фразе: кто не работает, тот не ест. Разумеется, это не значит, что все должны работать у машин, — каждый работает, как он умеет и как может. И еще одна, по-моему очень трогательная черта: здесь стремятся превратить труд из мучительного, нелюбимого и плохо оплачиваемого занятия в радость и удовольствие.

С этой целью для всех (за исключением детей до шестнадцатилетнего возраста) установлен рабочий день соответственно тому минимуму, который в настоящее время необходим для удовлетворения экономических и общест-

венных нужд страны. А под «экономическими и общественными нуждами» подразумевается снабжение всего населения пищей, одеждой, жилищем, развлечениями, врачебной помощью на случай болезни или увечья и отпуском с сохранением содержания. В настоящее время все должны работать по восьми часов в день, и работать очень интенсивно. На это есть — так говорят вожди — ряд причин: низкий уровень технической подготовки, экономическое истощение страны, явившееся результатом мировой и гражданской войн, а также то, что к моменту прихода коммунистов к власти страна не располагала никакими запасными капиталами; кроме того, в настоящее время государство нуждается в деньгах, чтобы покупать машины, содержать технических специалистов и развивать внутренние ресурсы страны.

Но, — как говорят те же вожди, выступающие от имени масс, — едва только будет хотя бы частично достигнуто техническое и экономическое развитие страны, населению не придется работать так много и так тяжело. Если через некоторое время найдут, что государство может удовлетворить потребности всех своих граждан при семичасовом рабочем дне, все и перейдут на семь часов работы. Действительно, согласно декрету Центрального исполнительного комитета Союза, изданному в октябре 1927 года, для всех работающих на производстве должен быть введен семичасовой рабочей день. Это постановление проводится в жизнь уже в нынешнем году. Если же через некоторое время все те превосходные вещи, которые населению хотелось бы иметь — одежда, жилище, книги, развлечения, образование — можно будет получить, оплатив их шестью часами работы всех трудящихся, все и будут работать по шести часов в день. Впоследствии, когда достаточно будет пяти или четырех часов, или даже трех часов работы, — такой же продолжительности

будет и рабочий день на заводах, в учреждениях, в крестьянском хозяйстве.

Но это еще не все. Если труд в той или иной его форме является общим уделом всего населения, надо стремиться, чтобы условия, в которых работает каждый трудящийся, были наиболее удобными и приятными. Уже строятся, а в дальнейшем будут строиться в еще большем количестве, наиболее практичные и одновременно наиболее приятные типы фабрик, контор и жилищ. Все помещения, где трудящиеся проводят свою жизнь, будут настолько привлекательными или по крайней мере комфортабельными, насколько в человеческих силах сделать их такими.

Достигнуто значительное — по мнению некоторых лиц, чуть ли не фантастическое — улучшение условий жизни и труда в России. Такое улучшение проводится повсюду, нередко при наличии самых обескураживающих препятствий, например: сурового климата, невежества масс и т. д. Куда ни взглянешь, — будь то Кузнецкий бассейн в далекой Сибири, с его угольными копями, сталелитейными заводами и силовыми станциями; будь то Донецкий бассейн на юге Европейской России, богатый угольными, соляными, железными, марганцевыми и свинцовыми залежами; будь то Одесса, Ленинград, Киев, Нижний-Новгород или Ташкент, — повсюду видишь, как проводится в жизнь одна и та же идея, видишь, как она проявляется в самой структуре и технике всего, что там делается.

Например, на рудниках в Сибири и в Донецком бассейне (боже, как суровы и ветрены эти места!) вы найдете все условия, наиболее гарантирующие безопасность и удобство работы: безопасные лампы для шахтеров, систему усиленной вентиляции под землей, электрическое освещение, электрические буры, противогазы и т. п. Шахтер одет в специальную одежду, выдаваемую ему государством. Когда же, отработав свои шесть часов, он подни-

мается на поверхность земли, его ждет не только комната, где он может отдохнуть, но и баня. Бурильщик работает только шесть часов, так как его работа считается особенно вредной. Остальные же шахтеры работают восемь часов, так как их труд считается менее опасным. Шахтер на более опасной работе получает 250 рублей в месяц (на 25 рублей больше, чем Сталин и Луначарский), тогда как другие, на более легкой работе, — от 100 до 150 рублей. Кроме того, все, работающие в шахтах, застрахованы на довольно значительные суммы против несчастных случаев. Надо добавить, что все шахтеры и почти все индустриальные рабочие рудников живут в недавно построенных коттеджах в три или четыре комнаты с ванной, верандой и маленьким садиком. А для отдыха и для развлечения имеется действительно превосходный клуб. В нем вы найдете читальню, библиотеку, столовую, театральный зал, спортивный зал, бассейн для плавания, бильярдную, кегельбан и пр. Отметим, что клуб предназначен не только для мужчин, но и для женщин. Тут же, на рудниках или недалеко от завода, фабрики или конторы, всегда имеется больница, санаторий, библиотека, детский сад и ясли, — словом, всевозможные культурные учреждения для рабочих, работниц и их детей. А летом все рабочие и служащие имеют отпуск с сохранением содержания и проводят месяц или две недели на каком-нибудь курорте на берегу Черного моря, или на Волге, или где им вздумается.

Все это я сам видел, во всем этом я сам убедился и в целом, независимо от других сторон коммунистической теории, — не могу не одобрить. Эти мероприятия проводятся в отношении всех трудящихся во всевозможных отраслях производства: на железнодорожном и водном транспорте, для грузчиков в Ташкенте и Баку, для рабочих нефтяных промыслов в том же Баку, для рабочих консервных фабрик

и рыбных промыслов на берегах Каспийского, Черного и Белого морей, для пильщиков дров, возчиков, конторских служащих и т. д.

Не менее искренно я восхищаюсь системой образования, принятой в Советской России. Социальный подход к знанию так интересен, так прост и ясен и так умен, что более умного, мне кажется, я никогда не видел. Больше того, — я желаю, чтобы систему образования, принятую у нас в Америке, заменили этой новой, такой необычайно ясной, обеспечивающей усвоение знаний и умение мыслить. Даже при самом поверхностном наблюдении над результатами, которых достигли наши американские школы, насколько о них можно судить по уровню умственного развития сотен тысяч юношей и девушек, ежегодно оканчивающих их, приходится признать, что наша молодежь меньше всего приобретает от школы «умения мыслить». Увлекаясь расширением программы и усовершенствованием курсов различных наук в наших учебных заведениях, мы потеряли из виду неопределимо полезное свойство человеческого ума — умение и необходимость сосредоточиваться и самостоятельно мыслить...

И вот в России проводится система образования, которая приучает ребенка к самостоятельному мышлению; Уже одно это, не говоря о других превосходнейших ее сторонах, настолько ценно, что она вызывает во мне искренний энтузиазм, и я надеюсь дожить до того дня, когда эта система будет введена в наших школах.

Посредством раскрашенных карточек или кубиков, а также путем устной речи ребенка учат азбуке и счету до десяти или до ста. Затем в классах или в группах детей одного возраста ему дают какой-нибудь предмет — книгу, игрушку, кусок дерева, веревку, — что угодно. Скажем, шляпу. Хорошо. Его спрашивают, что за вещь у него в руках? Шляпа. Что такое шляпа? Какая она? Какого цвета?

Что такое цвет? Отчего у нее такой цвет? Имеет ли шляпа форму? Как она получает эту форму? Несколько шляп кладут в ряд. Сколько лежит шляп? И так далее относительно размера, веса и материала.

Как видите, ребенок сразу вводится в самую гущу жизни. Он тотчас же наталкивается на тысячи проблем — на проблему языка, грамматики, арифметики, физики, химии, социологии, биологии. И совершенно естественно и просто, в зависимости от природных способностей, ребенок узнает одновременно обо всем так быстро, как только он может. Если же у него возникает особый интерес к какому-либо одному явлению, то он в дальнейшем имеет полную возможность удовлетворить этот интерес и расширить свои знания. В советских школах не существует ни спрашивания заданных уроков, ни узко ограниченных уроков по специальным предметам, хотя постепенно проходятся все принятые в школах специальные темы. В школах существует самоуправление учащихся. Судя по тем данным, какие я собрал, и по детям, которых видел, могу сказать, что такая система образования дает весьма положительные результаты, и я не могу не восхищаться правительством, сумевшим так умно подойти к проблеме образования. Конечно, всякая догма, кроме коммунистической, отсутствует. Но я считаю, что за коммунистическую теорию говорит уже то, что она стремится дать каждому человеческому существу одинаковые преимущества с самого начала его жизненного пути и впоследствии помогает ему, как только может, в его борьбе за существование.

Я также всецело приветствую экономическую, правовую и политическую эмансипацию женщин в России. О безнравственности русских женщин рассказывают очень много, но, поскольку я сам видел и наблюдал их, они ничуть не более безнравственны, чем женщины какой-либо другой страны.

Однако, разница между русскими женщинами и женщинами всех остальных стран все же есть. Эта разница, не расовая и не национальная, — такая несоизмеримая, как будто речь идет о жителях разных планет. В России, как известно, брак не является тем, чем он был прежде: это не узы, связывающие по рукам и ногам. Получить развод чрезвычайно легко: для этого достаточно заявить о своем желании развестись. При таком порядке ни государство, ни церковь не могут извлечь из развода никаких выгод, так как нет ни судебного процесса с жуликоватыми адвокатами, с судьями, не имеющими понятия о социологии, с залами суда, битком набитыми падкой на скандалы публикой, ни дорого стоящих церковных обрядов и таинств, этого источника дохода для религиозных шарлатанов и жирных попов. Благодаря же тому, что частной собственности у советских граждан или совсем нет, или очень мало, отсутствуют обычное укрывательство имущества и судебные тяжбы по этому поводу. По той же причине у мужа или у жены, — все равно, любят они друг друга или не любят, — нет никакого основания держаться друг за друга в надежде извлечь из своего брака какую-либо выгоду. А так как муж и жена оба должны работать и могут в случае необходимости самостоятельно пробить себе дорогу в жизнь, то нет и противного хныканья о том, что же будет с покинутой женой и с ее ребенком. Женщина, как и каждый советский гражданин, должна работать и зарабатывать на жизнь; это она преимущественно делает и до развода. Если она по болезни не может работать, муж выплачивает ей часть своего заработка, пока она снова не станет трудоспособной; об остальном заботится государство.

Что касается детей, то здесь государство решительно становится на их защиту, — и как следовало ожидать, — самым разумным и естественным образом. Исполнилось

сыну (или дочери) шестнадцать лет ¹, — отлично: в таком случае он должен работать и содержать себя. Если же ему нет шестнадцати лет и он еще нуждается в попечении и образовании, отец и мать оба должны выплачивать из своего заработка на содержание ребенка, пока он не достигнет того возраста, когда сам сможет зарабатывать себе на жизнь. Как видите, никаких тяжб относительно того, какие богатства должен наследовать ребенок, — по той простой причине, что богатств-то вообще нет. Лично я нахожу такой порядок великолепным. Наконец-то, первый раз в жизни я нашел на нашей планете место, где был избавлен от той отвратительной шумихи, которую наши газеты ежедневно поднимают вокруг каждого процесса о разводе, о нарушении обещания жениться, о нарушении «святости семейного очага», о выплате содержания разведенной жене и т. д. и т. д., — словом, от всей бьющей на сенсацию пошлости, рассчитанной у нас в Америке на то, чтобы занять праздные умы.

Таким образом, мы подошли к половому вопросу. Какая вздорная болтовня, какой поднимается шум и крики, стоит лишь коснуться его! (Я имею в виду: осуждение «безнравственных» книг и пьес; общественных цензоров общества по борьбе с пороком и предпринимаемые ими крестовые походы против безнравственности; бегства жен от нелюбимых мужей; изнасилования, садистические убийства и так далее и тому подобное, что мы видим повсюду, кроме России.) Я рад сообщить — и уверен, что меня никто не сможет опровергнуть, — что в России всей этой чепухи просто не существует. Газеты не уделяют ей места. А так как брак и развод, а также сожителство двух лиц по взаимному между ними соглашению очень легко осуществить, и все эти явления считаются самыми обычными

¹ Драйвер ошибается: не шестнадцать, а восемнадцать лет.

и не привлекают к себе внимания, то нет — да и не может быть — того повышенного и нездорового интереса, какой вопросы пола возбуждают в других странах.

В России нет той борьбы с проблемами пола, какая имеется у нас. Сцена в пьесе или в книге, или даже в реальной жизни, в Америке несомненно вызвавшая бы вмешательство полиции или цензуры нравов, в России производит совершенно иной эффект. Здесь совсем иначе относятся к половому вопросу — просто и естественно. Любовь может быть длительной, но она может быть и быстротечной. А так как в России любовь не связана ни с деньгами, ни с положением в обществе, ни с религией, то она сводится к взаимоотношениям, которые являются частным делом двух заинтересованных лиц, — и только. Если нет насилия или убийства, нет и преступления; а раз «прелюбодеяние» не значится в кодексе о наказаниях, то каждый устраивает свою личную жизнь, как ему удастся. Все ежедневно работают, потому что должны работать; что же касается всяких интриг в обществе и различных денежных комбинаций, движущей пружиной которых нередко является любовь или чувственность, — никто о них и не помышляет. Дело в том, что ни из той, ни из другой нельзя извлечь никаких выгод. Совершенно никаких! Выполняй добросовестно свою работу, найди какую-нибудь девушку и будь с ней счастлив, если можешь. А затем учись и старайся развить свой ум. Другого пути нет. И теперь, когда я снова оглядываюсь на все это, я вижу, что в России налицо самое правильное и здоровое разрешение полового вопроса, какое мне когда-либо приходилось встречать...

...В России я увидел народ, умеющий мыслить. И именно в России скорее, чем в какой-либо другой стране, суждено в наши дни появиться великим открытиям как в смысле практических преобразований, так и в об-

ласти мысли. Так, по крайней мере, верю я. Мы живем в беспокойную эпоху, наш западный мир мечется в поисках выхода из тупика, — и неужели теперь, когда Россия может дать нам что-то новое, здравый смысл не подскажет нам, что надо помочь ей создать все, что она может?

1928 г.
